

СМЕНА СТРАТЕГИЧЕСКОГО КУРСА В КООПЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАНЫ И НАЧАЛО «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

*Работа представлена кафедрой отечественной истории
Костромского государственного технологического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. И. Евстратова*

Статья посвящена переломному моменту социально-экономической модернизации конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. в советской деревне, роли и месте потребительской кооперации в решении задач коллективизации и становлении колхозного строя.

Ключевые слова: *коллективизация, колхоз, потребительская кооперация, товарообмен, деревня, планирование, кризис.*

I. Samolyga

CHANGING OF THE STRATEGIC COURSE IN STATE COOPERATIVE POLICY AND THE BEGINNING OF THE “GREAT TURN” IN THE SOVIET VILLAGE

The article deals with the crucial point of socioeconomic modernisation in the 1920s and the early 1930s in the Soviet village and the role and place of consumer's cooperation in solving collectivisation problems and forming a kolkhoz system.

Key words: *collectivisation, kolkhoz, consumer's cooperation, trade barter, village, planning, crisis.*

Социально-политический и экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг. подвел советское руководство к решительным действиям по отношению к крестьянству и свертыванию рыночных отношений в стране, к проведению массовой коллективизации. Начавшийся процесс социально-экономических преобразований разбалансировал эффективно и динамично действующую социально-экономическую структуру кооперации как одну из наиболее гибких, эффективных и мобильных производственных систем.

Процесс ее огосударствления стал важнейшим проявлением социальной технократизации общества, гипертрофирования партийно-государственной монополии на собственность и власть. Свертывание рыночных отношений в ходе этих процессов подрывало и разрушало положение кооперации в экономической системе промыслов и производств. Руководство страны ошибочно полагало, что «красногвардейские атаки» будут столь же эффективными и в новом, созданном ими же самими политико-экономическом пространстве. Но истинно большевистские райкомы и обкомы не могли решить проблему возникшего кризиса. Усиление репрессивных методов только загоняло «болезнь» вглубь, подрывало авторитет власти, в стране усиливалась психология страха и лицемерия, чиновничества.

Отказ от изучения рынка, его конъюнктуры и динамики, причин экономических спадов и подъемов, колебания цен и т. д. привели сталинское руководство к смене стратегического курса в кооперативной политике страны. Вместо того чтобы привлечь к решению вопроса о выходе страны из кризиса ученых-экономистов, вместо разумного планового воздействия на экономику и дальнейшее развитие рыночных механизмов для осуществления соответствующих мер по налоговому, таможенному и инновационному законодательству было принято решение «штурмом» взять «последний оплот капитализма в СССР».

Большинство ученых и государственных деятелей-рыночников (Н. И. Бухарин, Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и др.) выступи-

пали за индустриализацию и социалистическое переустройство сельского хозяйства, но не любой ценой и насильственными методами. Однако к мнению ученых руководство страны в начале 1930-х гг. не прислушивалось и прислушиваться не собиралось.

А в 1930 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР переходят к более решительным мерам. Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 г. наделило местные органы власти чрезвычайными полномочиями и, по существу, легализовало репрессивную политику в стране. В 1930 г. в процессе ее трансплантации на социально-экономическое пространство известным экономистам, сторонникам строя цивилизационной кооперации Н. Д. Кондратьеву, А. В. Чаянову были предъявлены обвинения в создании якобы подпольной «Трудовой крестьянской партии». Вслед за свертыванием исследований по теории кооперации, шельмованием ее теоретиков Постановлением Наркомзема СССР от 1 февраля 1931 г. «О реорганизации системы сельскохозяйственной кооперации» ликвидировалась одна из ее наиболее эффективных центральных управленческих структур – Союз союзов. Кроме того, этим постановлением рекомендовалось в течение марта провести ликвидацию союзных, республиканских, краевых и областных союзов. А Постановлением СНК СССР от 11 марта 1931 г. [2; 7] одновременно сворачивалась и низовая сеть кооперации.

Вслед за этими актами, перегруппировавшими социально-экономические структуры кооперации, мощный удар был нанесен по ее экономической базе и общественному престижу. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР издадут Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [3], в соответствии с которым расхитители общественной собственности объявляются «врагами народа». 22 августа 1932 г. было принято Постановление «О борьбе со спекуляцией» [8;

10, с. 331], предусматривавшее за «спекуляцию» продуктами сельского хозяйства и промтоварами лишение свободы на срок от 5 до 10 лет без применения амнистии. В декабре того же года был введен особый паспортный режим, который ограничивал свободу передвижения крестьян. Как известно, он действовал до начала 1960-х гг. Это означало для кооперации дезавуированное вытеснение ее с социально-экономического поля, сужение ее гражданских прав как одного из наиболее активных участников, ущемление ее социально-производственного процесса.

На фоне всего этого в высших эшелонах партийно-государственной власти менялось соотношение сил в сторону сторонников монетаризма в экономике, политике и идеологии. Оппозиция, поддерживающая рыночные отношения и кооперацию, сталинским руководством подавлялась.

В апреле 1929 г. Н. И. Бухарин и М. П. Томский, взгляды которых на кооперацию существенно отличались от сталинского курса, были сняты с занимаемых постов в «Правде», Коминтерне и ВЦСПС. Одним из решающих этапов подавления статуса кооперации явилось снятие с постов председателя СНК и СТО СССР А. И. Рыкова, который был одним из убежденных сторонников многоукладности в развитии экономики и рыночных отношений и противником «классовой борьбы» на селе. Открытая борьба против оппозиции означала окончательный отказ от всякой альтернативы в развитии народного хозяйства и общества, от возможности ее развития по демократическому пути, а значит, была предпринята судьба кооперации, ее перспектив в использовании рыночных отношений, свободного ее развития, экономической и политической самостоятельности. Началась сталинская «революция сверху».

Расхождения во взглядах И. В. Сталина и Н. И. Бухарина на перспективы развития кооперации и социально-экономической политики страны в целом ускорили социально-экономический старт так называемого «ленинского кооперативного плана», что в конечном итоге привело к попытке Сталина «штурмом» взять первую фазу коммунизма –

социализм одним поколением советских людей. Слом рыночной кооперативной системы в стране практически начался с выхода Постановлений политбюро ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. [9, с. 153–156] и «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [6; 10, с. 331]. «Великий перелом» и победа над «классовым врагом» – кулачеством – прямо отразились и на всех формах кооперации.

Была образована единая структура заготовительных органов, централизована и подчинена Госбанку СССР финансовая система кооперации, а также планирование производственно-хозяйственной деятельности. Все эти преобразования полностью «перевернули» систему кооперации, подчинив ее деятельность выполнению мифических, а точнее, реализации утопических планов коммунистического строительства в нашей стране. Нарушены были системы деятельности кооперации во всех ее формах. Так, потребительская кооперация, традиционно действовавшая преимущественно на торгово-экономическом поле как звено товарообмена города и села, прошла сложную социально-политическую и социально-экономическую перестройку.

Массовая коллективизация привела к снижению покупательной способности населения, произошло снижение, особенно сельского, товарооборота, что прямо отразилось на торговой, заготовительной и производственно-хозяйственной деятельности потребительской кооперации. Это еще обуславливалось и тем, что авральная коллективизация привела к значительному снижению поголовья продуктивного скота, домашней птицы, сокращению индивидуального садоводства и овощеводства.

С целью решения возникших проблем, а также для подведения итогов отчетов и выборов на местах в июле 1930 г. в Москве собрался II съезд потребительской кооперации. Элемент неопределенности и в какой-то мере растерянности в сложившейся ситуации наблюдался как в анализе текущего момента у

членов Правления Центросоюза, так и в выступлениях руководителей региональных союзов. Многие руководители не совсем ясно представляли себе, как разворачивать торговлю с колхозами, активизировать заготовительную деятельность, когда идет обвальная спад заготовок по всей стране и сокращение продуктивного скота в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Не понятно было и то, как потребительская кооперация будет способствовать организационно-хозяйственному укреплению сельских артелей и колхозному движению. Ясно было лишь одно: колхозы как массовая социально-экономическая организация, утверждающаяся руководством страны, стали действительностью, и их присутствие на внутреннем рынке необходимо было признать, вступать с ними в торгово-экономические отношения, заключать в условиях политизированной правовой неразберихи соответствующие экономические договоры.

Съезд принял ряд документов, направленных на структурную перестройку системы, ее централизацию, выделение отдельных секций в самостоятельные хозяйственные системы, реструктуризировал многие системы, в основном обслуживающего и культурно-бытового характера.

Реконструктивный период привел к значительным структурным изменениям в системе, значительному сокращению потребительских обществ. Так, к 1930 г. они изменились в сторону уменьшения более чем на 30% от общего количества по сравнению с 1926 г. Объединение сельпо и горпо, которое произошло в эти годы, позволило в определенном смысле потребкооперации решить ряд задач выхода из финансово-хозяйственного кризиса в сложившейся обстановке. Однако социально-политическая и экономическая ситуация в стране складывалась так, что не позволяла ей и в перспективе работать в свободном рыночно-экономическом режиме, а вся ее деятельность с этого времени: торговая, заготовительная, производственная – регламентировалась государством, соответственно финансировалась, кредитовалась Госбанком СССР и была нацелена в первую

очередь на торговлю на селе, на заготовку сельхозпродуктов и сырья, строго по регионам и местам заготовки. Отдельными постановлениями СНК СССР она была освобождена от ряда присущих ей функций и действовала отныне централизованно, в нарушение всех основных принципов ее строительства.

Здесь, по мнению автора, «удар» наносился по степени важности тех или иных структур кооперации в реализации планов социалистической модернизации в стране, следовательно, и перестройка кооперации началась с производственной сельхозкооперации не случайно. Огосударствив сельскохозяйственную кооперацию, объединив ее в артели, оставив формально всю «атрибутику» кооперативного функционирования, государство практически полностью контролировало ее финансы через Госбанк СССР, вопросы снабжения техникой – через Госснаб СССР. Вся получаемая продукция сельхозартелей шла в «закрома Родины», кроме семян и фуража, или продавалась государству по тем ценам, которые государство само и устанавливало.

В подобное же положение была поставлена и потребительская кооперация: вся ее торговая, заготовительная и производственно-хозяйственная деятельность была поставлена под партийно-государственный контроль. Однако, решив даже эти задачи, сталинский режим в 1935 г. подверг ее очередной «перестройке». Разбалансировка в системе кооперации обуславливалась и тем, в частности, что система потребительской кооперации являлась серьезным конкурентом частных заготовителей и частных торговцев. Кроме того, при активной работе на рынке правительство обязало потребительскую кооперацию выполнять функции распределительного органа (до отмены карточной системы). Правда, с 1925 г. распределительные функции значительно сократились, а у свободной торговли и предпринимательства – расширились. В условиях новой экономической политики правительство и ВСНХ требовали от кооперации активизации торговой, заготовительной и производственной деятельности, так как частный капитал преуспевал, а госу-

дарственная и кооперативная торговля не справлялась с возложенными на них задачами.

В сложившейся ситуации правительство страны принимало меры с целью ограничения деятельности частных предпринимателей путем снижения розничных цен, это, в определенном смысле, усиливало давление на государственную и кооперативную торговлю.

Кризис 1928–1929 гг. обязал СНК СССР и ЦК ВКП(б) принять определенные меры по активизации кооперативной торговли и кооперативной деятельности в стране. Так, в резолюции октябрьского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих» [5, с. 366–369] перед Центросоюзом СССР и РСФСР ставилась задача расширения советской торговли, увеличения сети магазинов, складских помещений. Стремление многих сотрудников из состава Центросоюза СССР сохранить принципы хозяйственного расчета, хозяйственной и финансовой самостоятельности и рентабельности закончилось для них трагично. Их обвинили в нежелании развивать советскую торговлю, в сохранении в кооперации нэпманского духа, буржуазного торгово-кооперативного аппарата, искусственно завышающего цены на товары и предметы первой необходимости.

В связи с этим в кооперации в начале 1930-х гг. прошли серьезные кадровые перестановки. В резолюции октябрьского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б) подчеркивалось, что «...новые кадры работников, направленные партией в торгово-кооперативный аппарат, еще не овладели техникой торгового дела и не осуществляют конкретного руководства кооперативной работой, благодаря чему работа торгово-кооперативного аппарата часто направляется теми бюрократическими и чуждыми рабочему классу элементами, которые составляют значительную прослойку в этом аппарате» [9, с. 365].

Введение в системе кооперации планирования, по мнению многих экономистов (Н. Д. Кондратьева, Н. И. Бухарина, А. В. Чаянова и др.), не меняло кардинально рыночной сущности экономического функционирования кооперации и не ломало рыночной системы взаимоотношений. Однако подчинение

всего жесткому планированию (финансов, сырья и материалов, производства тех или иных товаров, заготовок, торговли и т. д.), особенно после утверждения первого пятилетнего плана, разрушило рыночные механизмы деятельности кооперации.

После успешного проведения коллективизации сельского хозяйства страны государство само определяло направление деятельности кооперации. В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1935 г. «О работе потребительской кооперации в деревне» [9, с. 554–558] потребительская кооперация всецело переключилась на работу в село.

В соответствии с этим постановлением была проведена перегруппировка всей системы и централизация основных управленческих структур: на конец 1935 г. Центросоюз СССР имел 44 республиканских, краевых и областных союзов, 55 национальных объединенных союзов, 2376 райпотребсоюзов и окрпотребсоюзов, 485 городских потребительских обществ, 286 райпо, 24 974 сельских, потребительских обществ [4, с. 314].

В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1935 г. государство национализировало у Центросоюза 26 тысяч розничных торговых предприятий и 7 тысяч предприятий общественного питания, расположенных в городах и поселках городского типа, 255 хлебозаводов, свыше 1000 хлебопекарен, 6 чаефасовочных фабрик, 43 молокозавода, а также Московский и Ленинградский пивоваренные заводы, рыбные хозяйства вместе с рыболовецкими флотами и предприятиями переработки [1, с. 7, 8].

Таким образом, политика «красногвардейской атаки» не просто разрушала рыночные отношения в кооперации, она порождала те негативные явления, которые привели в последующем к снижению качества продукции, к припискам, к формализму и парадности. Практически после отмены карточной системы перед Центросоюзом СССР были поставлены задачи расширения розничной торговли и сети по продаже хлеба, обеспечению увеличения производственной мощности хлебозаводов и хлебопекарен [12, с. 72].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашов А. С.* Потребительская кооперация СССР. М.: Знание, 1975. 86 с.
2. Известия. 1931. 11 марта.
3. Известия. 1932. 7 августа.
4. *Кистанов Я. А.* Потребительская кооперация СССР: исторический очерк / под ред. М. М. Ли-фица. М.: Центросоюз, 1951. 420 с.
5. КПСС в резолюциях КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 16 т. Изд. 9-е, испр. и доп. М., Политиздат, 1983. Т. 5. 435 с.
6. Правда. 1930. 30 января.
7. Правда. 1931. 2 февраля.
8. Правда. 1932. 22 августа.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов: в 16 т. (1917–1987 гг.) М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 580 с.
10. Собрание узаконений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1932. № 69. 380 с.
11. Собрание узаконений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 2. 356 с.
12. 40 лет Советской потребительской кооперации. М.: Центросоюз, 1957.

REFERENCES

1. *Balashov A. S.* Potrebitel'skaya kooperatsiya SSSR. M.: Znaniye, 1975. 86 s.
2. Izvestiya. 1931. 11 marta.
3. Izvestiya. 1932. 7 avgusta.
4. *Kistanov Ya. A.* Potrebitel'skaya kooperatsiya SSSR: istoricheskiy ocherk / pod red. M. M. Li-fitsa. M.: Tsentrosoyuz, 1951. 420 s.
5. KPSS v rezolyutsiyakh KPSS v rezolyutsiyakh, resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TsK: v 16 t. Izd. 9-e, ispr. i dop. M., Politizdat, 1983. T. 5. 435 s.
6. Pravda. 1930. 30 yanvarya.
7. Pravda. 1931. 2 fevralya.
8. Pravda. 1932. 22 avgusta.
9. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: sbornik dokumentov: v 16 t. (1917–1987 gg.) M.: Politizdat, 1967. T. 2. 580 s.
10. Sobraniye uzakoneniy Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1932. N 69. 380 s.
11. Sobraniye uzakoneniy Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1930. N 2. 356 s.
12. 40 let Sovetskoy potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Tsentrosoyuz, 1957.